

РАССКАЗ

Сергей Шумский

ГОРА КЛЕОПАТРЫ

Кирилл Ахундов

ПОЖАР В БИБЛИОТЕКЕ

ОТВАЖНЫЕ ДИНОЗАВРЫ БОРДО

ЗАГРАНИЦА

Эрих фон Нефф

ДОРОГА НА ТОЛХАУС

ВЕЛОГОНОЧНЫЙ ДЗЕН

Перевод с английского - Олег Кустов

СТИХИ

Дмитрий Иванов

СТИХИ

Ольга Крутикова

СТИХИ

Екатерина Ермолина

СТИХИ

РАССКАЗ

Станислав Федотов

ЛИСИЧКИ

Софья Шейко-Маленьких

МАРЬЯМ

КЕСАК, или ТАНЕЦ ОГНЯ

ЗЕЛЁНЫЙ ДРАКОН

Андрей Мансуров

БУМ БУМ ЧАРЛИ ИДЁТ В ПОХОД

Александр Ледащёв

ДОЖДАВШИЙСЯ МАНЧАК

ПОВЕСТЬ

Ольга Артамонова

«ДНЕВНИКИ БАРБИ КЕНА»

Кирилл Берендеев

ТЬМА ЗА ПЛЕЧАМИ

Вадим Спивак

ТАМ, ЗА ТЕМНОТОЙ

Михаил Остроухов

ПОХИЩЕНИЕ ЕЛЕНЫ (Главы из повести)

ISSN 1866-6310

Выходит 4 раза в год

Мнения редакции и авторов публикаций не обязательно совпадают.

РАССКАЗ

Сергей Шумский

Ижевск

ГОРА КЛЕОПАТРЫ

День первый.

Сегодня был трудный день. Пройдена самая тяжелая часть 10-дневного пути. Первые три дня можно и вовсе не считать — приятная прогулка вдоль реки с медленным набором высоты. На ночёвках долгие посиделки у костра. А вот сегодняшняя дорога от базового лагеря до штурмового совсем иное. И путь долгий, и высоты за день набираешь больше тысячи метров. Контраст разительный. Базовый лагерь стоит в кедровой роще, вокруг разнотравье и можно даже, если не боишься холодной воды, в озере искупаться или реке. Примерно с высоты в 2500 метров исчезает всякая зелень, не только деревья. Поэтому и костров с общими посиделками не будет.

Тропа от базового лагеря до штурмового — одно название. Сначала грязь, потом каменные осыпи, снег, лёд. Оно бы и ничего, если бы не рюкзак. После базового лагеря он резко потяжелел — в нём полный комплект альпинистского снаряжения, одежда, запас продуктов. Только теперь, когда поставлена палатка, можно полюбоваться на красоту вокруг. Она — неземная.

Ну вот. Я снова здесь, у подножия этой красавицы горы. К вечеру распогодилось, выглянуло солнце. Как же блестит снег на вершине! А соседний пик, он пониже, тоже красив — огромные скальные выходы на нём блестят царской короной. Чудное место!

До вершины — рукой подать. Но радоваться рано. Я это хорошо знаю. Я уже накопил опыт неудачных восхождений на эту вершину. Самый скверный в жизни опыт! После первого неудачного штурма была досада. И уве-

помощница рядом с ней выглядит уже не худой, а просто измождённой. Какими же красивыми становятся беременные женщины!

Я её обязательно найду. Хочу сделать это вживую, а не по соцсетям. Надо ей сообщить, какое имя для их сына придумал Борода на вершине. Да и записи, и сломанный диктофон отдам ей.

А на памятном камне у базы надо повесить ещё одну табличка — с именами Бороды и Андрея, альпинистов, жизнь которых забрала Клеопатра. Чтобы Мария смогла когда-нибудь привести сюда сына...

Кирилл Ахундов

Баку, Азербайджан

ПОЖАР В БИБЛИОТЕКЕ

Целый месяц Славик с Жуксом планировали ограбить аптеку.

Балбесы, что сказать.

Во-первых, кто же грабит объект, рядом с которым живет? Во-вторых, если много болтать и ничего не делать, то это уже не грабеж, а ерунда на постном масле. И третье: нельзя рассказывать друзьям о своих планах. Нет, друзья не продадут, но или сглазят, или забодают сомнительными советами. А то и перехватят идею.

В конце концов, от грабежа решено было отказаться, поскольку в аптеке работала двоюродная сестра славиковой матери, и грабители опасались, что она их узнает. Поэтому Славик и Жук, семнадцать и шестнадцать лет, решили заменить грабеж кражей с взломом. Соответственно, перенесли операцию в ночь глухую.

Стройный шатен Славик был похож на сербского актера и каскадера Гойко Митича, но превосходил его ростом на три сантиметра, поэтому правильно утверждать, что это Гойко Митич похож на Славика. В нашем узком кругу Славика позволялось звать «гайкой». Он не обижался, чем доказывал широту души.

Кривой Жук выглядел бракованным экземпляром эволюции. Приземистый, короткопалый, носастый, он напоминал Армена Джигарханяна в роли бандита Горбатого. Фильм тогда только пустили по телеку. Левый глаз вечно сонный, правый — будто пупок орангутанга. Я не уверен в логике такого сходства, но с орангутангом Жука сравнил Глеб, а мы ему обычно верили.

Жук был сдержанно злым, Славик — перманентно добрым. Правда, доброта всегда дефицитна. Поэтому все немногочисленные молекулы доброты концентрировались у Славика лишь в улыбке.

Квартира, в которой жил Жук, находилась в старом одноэтажном доме на пересечении узких улочек, где курсировал бордовый трамвай. Рельсы были проложены в метре от цокольного окна, за которым на раскладушке спал Жук.

Трамвай проезжал каждые пятнадцать-двадцать минут, с половины шестого утра и почти до полуночи. На повороте он грохотал, звенел и свистел, как толпа митингующих чайников, что рождало пыльное эхо среди дряхлых кирпичей жукового домика.

В карликовой четырехкомнатной квартире площадью сорок два метра жила семья количеством в девять персон, и Жук был самый адекватный из них, потому что уходил из дома утром и возвращался строго затемно.

Жук любил слово «блоха». «Блоха» у него являлась лексическим паразитом, в прямом и переносном смысле. Более образованный Славик щеголял фразой «Ты что, глухонемой?». В безлюдном переулке они догоняли случайного паренька и принимали его на гоп-стоп. Славик осведомлялся, ты, типа, глухонемой? А Жук мрачно целил:

— Ну! Блоха!

Успешные кандидаты в колонию для несовершеннолетних, Славик с Жуксом внезапно повадились посещать театральные репетиции. Там я с ними и познакомился. По понедельникам, средам и пятницам мы собирались в стареньком клубе, звучно именуемым домом культуры медработников, чтобы увековечить постановку «Энергичных людей» Василия Шукшина.

Удивительно порой судьба сводит людей! Сестра жукова приятеля дружила с соседкой внучки сторожа клуба. И однажды она (то ли сестра, то ли внучка) привела этих юных злодеев на репетицию, где ей пытались всучить единственную женскую роль. Девушка не соблазнилась и ушла, а ребята остались, загадочно проникнувшись театральным магнетизмом.

Трижды в неделю они приходили в клуб и сидели в зале. Их никто не гнал. А потом режиссер-постановщик Лаупанов спросил: «Ментами будете?», чем вызвал приступ рефлекторного хохота у Жука.

Глеб, двадцать два года, непьющий, немного чокнутый, был самым старым и авторитетным в нашей пестрой компании. Во-первых, знал несколько приемов карате и носил в сумке через плечо самодельные нунчаки, которыми вращал с немислимой скоростью. Во-вторых, он три года учился в Москве и считался диссидентом, изгнанным за вольнодумство. В-третьих, обладал сокрушительно яркой внешностью, которая будоражила моральные устои девушек и волновала даже их закаленных мамаш. Его харизма была сродни мухобойке с лазерным прицелом. Пылающий взгляд рослого бронежника, гусарские усы, оскал Дракулы и чувственный фанатизм схимника.

Остальным гонщикам, должно быть, казалось, что Рики спятил. Мотается из стороны в сторону, то вдруг отстает, но затем каждый раз вырывается вперед. И так почти целый круг, пока не стих переменчивый мартовский ветер. Отставшие от Рики гонщики начали его нагонять. Он выругался по-тагалогски, сел прямо. Стая птиц пролетела над его головой. Рики хотелось бы стать как они. И внезапно его озарило: а почему бы ему не стать птицей? Ну, не то чтобы стать совсем как птица. Но почему бы не последовать за стаей? Хотя бы мысленно. Рики сконцентрировался. Он парит, да парит, как в той песне, «Призрачные всадники в небесах». Он парил вместе с птичьей стаей, а потом подумал: «Птицы машут крыльями в своем ритме, почему бы и мне не попытаться?» Велосипедист следующий ритму птичьей стаи, не слишком ли он замечтался? Мечта исчезла, пути разошлись. Птичья стая полетела дальше на север, Рики повернул на юг, следуя трассе.

Отставшие велогонщики стали сокращать разрыв. Рики посмотрел на небо. Пусто. Братья Гатто перемолвились по-итальянски и рассмеялись шутке, понятной лишь им. Рики понял, что скоро его нагонят, а у него почти не осталось сил для спурта. Но его соперники не брали в расчет приметы.

В те времена, в 1952 году, хищные птицы парили в небесах над озером Мерсед, словно знаки судьбы. Внезапно один ястреб ринулся вниз с высоты над южным берегом. Судьба жертвы ястреба была предрешена, но другой преследуемый так и рвался вперед. Рики помчался вслед за ястребом. Ментальный настрой хищника, предрешенная судьба неведомой зверюшки. Ястреб, послуживший для Рики знаком, скрылся в зарослях камыша.

— Двести метров до финиша! — выкрикнул Джо Канчамилла.

Рики рванул вперед. К победе. Душевный подъем придал ему сил. Сверхъестественным образом вдохновленный рыжей девушкой, что живет в доме-корабле.

Братья Гатто ругались по-итальянски на чем свет стоит, но пришли к финишу вслед за Рики.

— Ты выиграл гонку, парень! Ты выиграл!

Перевод с английского: Олег Кустов

СТИХИ

Дмитрий Иванов

Печора, Коми

Гуляй, весна!

Взят весною в заложники прошлого лета

растревожен и взят в заложники
запоздалой весны...
стыл...
ой!
растреножил на табурете
сосулистую льда...
эх... художники
мне б мольбертом
закрыть бы лицо от стыда...
выл... и...
...и одежда из трав,
и поклон интраверта,
и застывшая ночью вода;
а ручьи
в полдень головы ото сна расправившие
понесут твой ли танец
к реке?
вдоль же русла
один иностранец давешний
запел
Заратустрой
в прицел
из соцветий набухших,
наблюдая Апухтина с Пушкиным,
молчанье зимы нарушив...

Весна разбойная

Весна — разбойная забава
кровопускательной зари —
дрожит в предчувствии облавы.

А над предчувствием парит
лохматый призрак равнодушья —
он "в поросятах знает толк", —
того гляди, меня задушит,
как ярку страшный серый волк...

Весной в ручьях всплывают трупы
врагов, не помнящих закон;
жалеть их, впрочем, крайне глупо,
коль жизнь поставлена на кон...

Весна уткнётся носом в угли
сожжённой заживо зимы,
они вчера ещё потухли
о чём давно мечтали мы...

Весна несёт земли дыханье
к высотам голых диких скал.

Я сплю, обняв себя руками —
весну, видать, во сне ласкал!

Сугроб дрожит, температура,
как перегретый пулемёт,
земля навоз прилежно курит
и хлебопашца тихо ждёт...

Весна — достойная утеха
для тех, кто к славе норовит.

Блаженный март в леса приехал,
словореченьями увит,
поэтами отменно славен,
котами в вязку вовлечён,
коней сменив на переправе
и под котомочку плечо...

Ольга Крутикова

(Sylphide)

Благовещенск

***

Ах, нет, это вовсе не знак,
и не лучшая встреча.
Тут что-то другое,
для уст неподвластное слишком.
Он тот, от кого пропадает навеки дар речи.
И все словари превращаются в детские книжки.
И взгляды — нерезки, и фразы
как будто нечетки,
И ты капитан корабля, что дрейфует в осаде,

И все каравеллы теперь как подводные лодки:
Попробуй узреть их на тихой пустующей глади.
К кому мне теперь
    обращаться за помощью? Якорь
Опущен на воду души моей замороженной.
Ахматова учит меня говорить,
    а Цветаева плакать,
А я научу ли кого-то молчать обреченно?

***

Отец у Софии властен и строг,
    упрям, как английские короли,
А София мечтает смотреть на него с экрана,
    как Грета Гарбо или Вивьен Ли.
У Софии есть голос,
    турецкая смуглая красота и отменный вкус,
И еще вторая попытка
    поступить в театральный вуз.
Монолог из «Двенадцатой ночи»
    отточен и, кажется, прожит сто раз,
Но забыт в одночасье,
    как только снова получен отказ.
У отца на столе есть трещина, пробитая кулаком.
«Говорил, из тебя получится
    счетовод или, может быть, агроном».
И София сметает мечту,
    как мусор ненужный в совок.
Небо – это всего лишь
    синий земной натяжной потолок.
Целыми днями не трудно его коптить,
Можно и замуж сходить, и детей родить.
Только Господь —
    он всегда по части трагедий и драм.
Вот интересно: он пишет сценарии сам?
Врач — никудышный актер,
    хотел подготовить, но начал с ходу
Убеждать Софию в том, что она бесплодна.
«Вы когда-нибудь слышали, —
    говорит София врачу, — как палит зенитка?
Я вот слышу сейчас, но у меня
    в запасе еще есть вторая попытка».
И однажды, когда Софии
    исполнится целых сорок,
Она встретит любовь
    (о, Господи, спасибо тебе, режиссеру).
Это главная роль —
    быть любимой и любящей разом.
Небо — крыша? Да что вы!
    Смотрите, оно в алмазах!
Только стала кружиться
    и будто тонуть под водой голова.
София встает и сразу садится, и ходит едва-едва.
Врач, как и прежде, не Лео, не Ривз, не Питт.
«У меня ничего не болит», — говорит София.
Отвечает: «Пока не болит»
И объявляет непререкаемый, словно оракул:
«Первый триместр беременности
    и предпоследняя стадия рака».
Рядом с Софией ангел незримый печально сел,
А она сама — белье на ветру и мел.

Я сильф, я воздух, я холодный дым
Над пепелищем собственного чувства.

Екатерина Ермолина

Челябинск

ТЕПЛООБМЕН

Если Бог зачем-то устроил наш мир вот так,
То не нам судить,
    что в нём правильно и неправильно...
У Тамары Михайловны есть тридцать два кота.
У котов, соответственно, есть Тамара Михайловна.

У Тамары Михайловны квартирка мала
    и доход не ахти —
Много ли купишь со среднепечальной пенсии?
У неё в этой жизни одна только радость — её коты,
Несмотря на шум и на запах,
    слышный уже на лестнице.

Сосед ночь-полночь матерится:
    я в суд на тебя подам,
(Может, ему на стены сделать обивку мягкую),
Трындец, говорит, и тебе, убогая, и твоим котам,
Если ещё замаякают.

Но не она спасает котов...
    Это коты её берегут от стуж,
От тишины ночной, пустоты в углах —
    от чего угодно...
...У Тамары Михайловны были и сын, и муж.
Первый погиб в Чечне,
    и второго уже нет два года...

Хлипкий, убогий мир, состоящий из мягких стен, —
Только в них и стучат, когда ты по корки выжат...
Быть может, только странный
    душевный теплообмен —
Это и есть здесь единственный способ выжить,

Каждый свой день завершая нулём, начинать с нуля
С новым рассветом, размеренным шагом
    дойти до горба и гроба,
Ощущая при этом —
    да, под ногами осталась земля...
Кажется, просто, ведь правда?
Поди попробуй.

ПОСТ.ИРОНИЧНОЕ

На последнем фото загадочно глазки сузив,
Губки сделаем так, что лайкнет и сам господь.
После смерти от нас будет веять клубничным смузи,
А не тем, чем пахнет уже не живая плоть.

После смерти мы будем выглядеть безупречно —
Трупных пятен на лицах не отразят посты,

ЛИСИЧКИ

1.

— Смотри-ка, Надюша, — новый магазин. — Алексей Алексеевич показал на вывеску с вычурными буквами, украшенную хвойными ветками. — Надо же, «Дары тайги»! Знаешь, меня поражает наглость таких названий: «Дары моря». «Дары леса». «Дары тайги». Человек грабит природу, безнаказанно, не задумываясь о последствиях, и награбленное объявляет «дарами».

— Опять ты о глобальных проблемах, — поморщилась Надежда Сергеевна. — Я тебе сто раз говорила: можешь что-то изменить — берись меняй, не можешь — береги нервы.

— Мудрая ты у меня, не по годам, — усмехнулся Алексей Алексеевич и шагнул на первую ступеньку крыльца. — Зайдём посмотрим?

Надежда Сергеевна, помедлив мгновение, последовала за ним.

По совету врача они гуляли каждый день в одно и то же время — с 15 до 16 часов. Иногда дольше, если позволяла погода. Алексей Алексеевич, может быть, и не был бы столь пунктуальным, но Надежда Сергеевна исполнение рекомендации взяла в свои крепкие маленькие руки. Она имела библиотечное образование и большой опыт работы в организациях, где требовались расчётливость и методичность, называла себя человеком конструктивным и крепко стояла на земле, а её муж, писатель и поэт, до седых волос, по её мнению, «парил в небесах», как воздушный шарик, и ей приходилось время от времени, словно за нитку, притягивать его к реальности.

Поэтому сразу после обеда Надежда Сергеевна помогала мужу обуться (ему в свои 80 «с хвостиком» трудно стало наклоняться, Надя же была на 18 лет моложе, оставаясь, на удивление, лёгкой и подвижной); они надевали подходящую по погоде одежду и отправлялись по проспекту в самый его конец, упирившись в неухоженную сосновую рощу. С полчаса, иногда и больше, бродили по бездорожью между стройных стволов, путаясь ногами в редкой жухлой траве и дыша смолистым запахом, и тем же путём возвращались домой на свой пятнадцатый этаж.

Они любили микрорайон, в котором поселились несколько лет назад, любили за его современность, ухоженность и обилие магазинчиков, захвативших первые этажи новостроек; любили дом, двадцатипятиэтажный, новый, красивый своей минималистской архитектурой, за удобство и чистоту подъездов, за пандусы для колясок и бесшумные лифты, за вежливость консьержек. Прежний спальный район Москвы, в котором они после переезда из Сибири прожили почти пятнадцать лет, тоже казался по-своему неплохим, но в панельной пятиэтажке квартира была на самом верху, а лифт отсутствовал, поэтому Надежда Сергеевна, увидев, с каким трудом Алексей Алексеевич поднимается на пятый этаж, как всегда энергично взялась за поиск нового жилья. И, конечно, нашла — просторную «двушку», по приемлемой цене, в городе-спутнике Москвы. До метро — десять минут пешком или пять на «маршрутке». Идеальный вариант для двух пенсионеров, не обременённых детьми и достаточно обеспеченных. Алексей Алексеевич довольно долго работал собственным корреспондентом одной из центральных газет в Томской области, был приглашён в Москву, активно публиковался как поэт и прозаик и наконец возглавил довольно толстый литературный журнал. С этого поста и вышел на пенсию.

Гуляли они, обычно беседуя: любили друг с другом поговорить. Первым делом — о дочери, уехавшей с мужем-программистом за границу, о внучках-близняшках, которые в свои шесть лет по-английски говорили лучше, чем по-русски. А кроме того — о литературе, театре, кино, да и вообще о чём угодно. Интересы Алексея Алексеевича простирались от бозона Хиггса до искусственного интеллекта, свободно отвлекаясь на проблемы кино или медицины, политики или экономики — давал о себе знать многолетний опыт журналистской и писательской работы. Говорил он обычно горячо, жестикулируя и повышая тональность из желания добавить своим словам большую убедительность. Надежда Сергеевна слушала внимательно, что-то добавляла, иногда возражала, иногда осаживала не в меру расходившегося мужа. Он, как правило, соглашался с ней, потому что за годы совместной жизни привык доверять её безошибочному литературному чутью и раз за разом убеждался в её житейской мудрости. Суждения её всегда были конкретны и убедительны. А вот говорить о российской жизни и политике Надежда Сергеевна категорически отказывалась. «Решить эти вопросы мы не можем и нечего себе настроение портить, — заявляла она. — Лучше дыши свежим воздухом и радуйся, что живём».

Вот и на этот раз они обсудили последний роман Юрия Полякова, потом телесериал «Домашний арест», поговорили о выставке молодых художников и новом литературном конкурсе, жюри которого, как это часто случалось, возглавил Алексей Алексеевич. Не сошлись мнениями на новом стихотворении Алексея Алексеевича. Надежда Сергеевна скептически назвала его неудачным, муж обиделся и молчал почти всю обратную дорогу, пока не увидел «Дары тайги». «Ну и хорошо, он, похоже, обрадовался возможности сменить тему», — подумала Надежда Сергеевна, поднимаясь за мужем к стеклянной двери.

— Здравствуйте! Проходите, мы вас ждали. — Моложавая полная женщина в белоснежном халате и шапочке на рыжих волосах приветливо улыбнулась из-за прилавка.

— Здравствуйте. Неужто мы первопроходцы? — улыбнулся в ответ Алексей Алексеевич, оглядывая интерьер, оформленный с претензией на таёжный колорит, но больше похожий на новогодний: над входом, по стенам и в окне — всюду ветки с шишками и цветными шарами. — В такой тайге недолго заблудиться. Правда, Надюша?

Он резвился, обращаясь к жене, но Надежда Сергеевна просто кивнула и задержалась у стеклянного шкафчика при входе, заполненного берестяными туесами с ягодами — голубикой, клюквой, брусникой.

Софья Шейко-Маленьких

Велика Греда, Сербия

МАРЬЯМ

— Она знает, что делает.

Взгляд темно-зеленых ясных глаз спокоен и тверд. Она улыбается этим двоим. Таким встревоженным, таким хрупким. Ещё немного твердости в голосе, еще немного уверенности:

— Вы что же думаете, ваша дочь — идиотка? Она сама знает, когда ей перевернутся. Все будет хорошо.

Вот именно так, с такой абсолютной убежденностью. Все считали доктора Марьям удивительно безапелляционным человеком. А она лишь давно заметила, что при родах — чуть ли не самая важная составляющая — уверенность родителей. Они должны быть спокойны и знать, что их ждет благополучный исход. Не отвлекаясь на страхи. Тогда все пройдет как надо. А если что-то пойдёт не так — на то и она здесь. Всегда рядом. В этом задача акушерки. Стоять у порога и встречать, караулить, страховать легкомысленных детей. Ей всегда нравилась эта роль — на грани двух миров, нет, к сожалению, даже трех. Тот третий, холодный, оскалившийся — ощерился, распахнул пасть и готов вот-вот проглотить оступившегося. Ей надо лишь не дать соскользнуть, успеть подхватить, вытянуть. А еще не пустить других заглянуть в эту жуткую смердящую пасть. Нет, нет, молодым родителям не следует даже подозревать о существовании вот этого, третьего, зловонного и зловредного мира. На то и существует Марьям. Что бы спокойно заверить, как молитву про себя прошептать: «Все будет хорошо. Хорошо».

Сколько встретила? Она давно уже не ведет им счет. Замешкавшихся — окликает, напугавшихся — бережно переводит через порог, зазевавшихся — подхватывает. У нее очень теплые и надежные руки. Попав в ее маленькие твердые ладони, младенцы чувствуют опору в этом мире. Точку отсчета. Так правильно. Так должно быть. И да, Марьям не всесильна. Иногда ей некого показать. И она бережно держит за плечи плачущую роженицу. Женщину, которой сейчас нужно все тепло, какое только может дать этот мир. Она наклоняется к склоненной бессильно голове. В горе люди становятся такими детьми. И тихо шепчет туда, в вздрагивающую от слез беззащитную, такую доверчивую макушку:

— Ты веришь в какого-нибудь Бога, сестра? Помолись ему.

К ней приходят: женщины за руку с женщиной: сестрой, подругой, матерью; или с мужчиной: мужем, братом, отцом. И каждый раз, когда аппарат находит нащупывал тоненькую черточку, маленькое перышко жизни — Марьям понимает — это теперь надолго. Она будет в сопровождении на ближайšie 9-8 месяцев, она должна быть теперь рядом. Кто-то плачет от счастья разглядывая первую фотографию своего ребенка. Кто-то горделиво вывешивает ее в соцсети. Только вот в ее стране не было и нет этих соцсетей. Только не сейчас.

Кто-то рыдает от горя и обиды, кто-то рвет фотографию в клочья. Для кого-то эта маленькая черточка сродни приговору. Всякое бывает. Однажды к ней пришли двое. Он высокий, кудрявый. Тонкий-тонкий, плечи, стопы, кисти рук — все словно вырезано из сандалового дерева или слоновой кости. При кажущейся хрупкости — удивительная надежность и крепость. Она — маленькая, кареокая, длинные каштановые волосы до плеч. Как бережно он держал ее за руку. Как тепло и взволнованно смотрел на нее. Какая сумасшедшая улыбка озарила его лицо, когда он узнал новость. И ее первая реакция тоже была — радость, счастье. А потом темная тень накрыла ее. Марьям никак не могла понять в чем дело. Ребенку оба они рады. Это заметно, такое не сыграешь. А уж сколько нежности и обжигающе срасти таится в их самым простых и невинных прикосновениях. И тогда она попробовала:

— Свидетельство о браке можете принести позже.

И сработало. У них обоих просветлели лица. А потом, позже, он признался — сорванным мальчишеским голосом — у них нет свидетельства о браке. Ее родители против. Они никогда не согласятся. Теперь, узнав, что она ждет ребенка, отдадут за первого попавшегося, чтобы с рук сбить. И он не сказал, что они сделают с ним, потом что ему это было не важно сейчас. И Марьям молча кивнула. Да, у них в Иранском госпитале в Дубае нельзя было принимать роды без свидетельства о браке. Но, поскольку Дубай — все —таки не Иран, обходные пути были. И Марьям знала их все. Потому что это входило в ее обязанности, потому что она была тем стражем, что встречал и провожал до безопасного места появившихся в этом мире малышей, а безопасность ребенка включает в себя безопасность родителей... Ни к чему младенцу беспокойные и нервные провожатые. Волнений у него еще много впереди. А сейчас встретить его должны радость и спокойствие. Вот это спокойствие и плескалось в ней через край. О себе — не думать. Память — закрыть на замок, спрятать на глубине самого глубокого океана. Что бы вынырнуть на поверхность с уверенной улыбкой на лице. Память же никуда не денется. Марьям прекрасно знает, всегда, кто ждет ее там, в том страшном третьем мире, кто тихо стоит у порога. И иногда приходит к ней во сне. Просто окликнуть. Просто присесть рядом. Здесь же, в этом шумном, бестолковом, безжалостном и счастливом, смешном, расчетливом и наивном мире доктор Марьям — само хладнокровие. Улыбку и радость нельзя сыграть, беременные, дети, рок и судьба слишком чувствительны к фальши. Поэтому улыбка у Марьям — настоящая. Всегда. Как и тихий свет темно-зеленых глаз. Мягкая каштановая прядь чуть выбилась из-под платка... Да, она помнит, что в их большом городе Исфахан всегда носили платки так — почти

— Бабушка, знаешь, он всегда говорил мне, что хочет, чтобы после его смерти этот дракон достался тебе... Почему-то она знает, что так нужно, пусть это будет немного вранье, почему-то кажется сейчас, что так будет правильно...

Взмах, безмолвный вскрик удивленных глаз. Бабушка отворачиваясь уходит в дом, бережно держит дракона, её плечи слегка подрагивают, кажется она плачет.

Девочка не будет плакать. Пусть соленые ручейки бегут по лицу, их высушит ветер, их высушат луна и солнце, а она будет тихо улыбаться своему дракону, маленькому еще, с коричневыми глазами и хвостом с мохлюшами. Он выныривает у неё из-за пазухи, что-то мы засиделись там с тобой, вылетай родной, пора тебе поразмяться...

Андрей Мансуров

Ташкент

БУМ БУМ ЧАРЛИ ИДЁТ В ПОХОД

- Раз-два!
- Три-четыре!
- Три-четыре!
- Раз-два!
- Кто бежит по плацу в ряд?
- Это — скаутов отряд!
- Бодрые!
- Умелые!
- Сильные!
- И смелые!
- Лучше, чем солдаты!..
- Будем мы служить!
- Доблестью и честью!..
- С детства дорожить!

На пикете восемьдесят три полагалось упасть прямо в грязь, и отжаться.

Чериков так и сделал, со злорадством наблюдая, как новенький из пятого на третьем отжимании уронил пижонские очки прямо в густую коричневую жижу, а Митька Сидоров опять намочил в глубокой луже всю ширинку, после чего уже не отжимался, а ругался, снова поднявшись во весь рост. Инструктор указал пальцем:

— Сидоров! Отбой. В казармы.

Сам Чериков работал чётко — уголком, держа пресс, и не касаясь поверхности ничем, кроме груди — иначе отжимание не засчитают! Да и успеет он. В смысле испачкаться. А пока — лучше не таскать на себе лишний килограмм грязи...

Инструктор громко считал вслух:

— ...девятнадцать, двадцать! Взвод, закончить отжимание! Встать! Бегом марш!

Снова замелькали мимо бело-чёрные берёзы, мокрые коричнево-серые стволы сосен и елей. Слепящие лучи буквально насквозь пронизывали голый ещё лес, создавая ощущение, что сейчас не весна. А лето. И бегут они не по лесу, а по плацу, где отродясь не было даже малейшей защиты от солнца.

Впрочем, на плацу было бы тяжелее — там препятствий понастроено гораздо...

Бодрящий, пропитанный почти невыносимой свежестью воздух вливался в лёгкие, неся восхитительные запахи пробуждающейся к новой жизни Земли. Да, весна, мать её...

Вот только им не до её красот и ностальгирования по той, штатской, Жизни!

Тяжело и шумно дыша в затылок бегущему впереди правофланговому — Серёге Букину — Чериков незаметно оглянулся: точно! Из тридцати их осталось всего двенадцать.

Новенький, сидя прямо задницей в грязи, протирает очки, похоже, тоже ругаясь.

Митька достал носовой платок, и попытался оттереть переднюю часть камуфляжных штанов, а Вовка и Саня просто ушли в сторону — к деревьям. Саня, привалившись спиной к шершавой сосне, матерится так, что слышно и в двадцати шагах. Вовке, похоже, плохо: он позеленел, встал на колени, скрючившись, словно его сейчас вырвет прямо на подстилку из прошлогодней прелой хвои...

Инструктор, буркнув что-то в переговорник на предплечьи, снова затянул:

- Раз-два!
- Поредевший хор хрипловатых дискантов громко (Попробуй сачкани!) отвечал:
- Три-четыре!
- Три-четыре!
- Раз-два!

ПОВЕСТЬ

Ольга Артамонова

Москва

«ДНЕВНИКИ БАРБИ КЕНА»

(По мотивам рассказа

"Гадкий Барби")

«А теперь быстрее крутите пленку, Монтэг! Быстрее! Клик! Пик! Флинк!...»
(Рей Бредбери «451° по Фаренгейту»)

«Сегодня, я, узнал что, такое, запятая, это, точка, с, хвостиком (,) и мисс, Кинниан, говорит, очень, важная потому, что, улучшает, правописание...»
(Дэниел Киз «Цветы для Элджернона»)

В ожидании рассвета Максимилиан Барби Кен сидел перед раскрытой коробкой, снятой с платяного шкафа. В коробке среди разного хлама и поздравительных открыток с чувствительными надписями: «Дорогому сыночку от любящих родителей», «С наилучшими пожеланиями от коллег», «Поздравления от внуков ко дню юбилея», лежал большой сверток, завернутый в обложки от старых журналов. Максимилиан развернул его и достал несколько больших тетрадей. На одной, с изображением порхающих сердечек с крылышками, детским неровным почерком было выведено: Дневник.

Максимилиан немного помедлил, пытаясь унять стук вдруг запрыгавшего сердца, затем открыл первую страницу и начал читать...

«Спокойной ночи. Боженька»

Васьмое дикабря

Здравствуй дарагой боженька. Абращается к тебе маленький барби Макси. Ты меня наверно помнишь. Я абращался к тебе два дня назад. Кагда меня дразнили мальчишки в школе. Я очень худой и малинького роста. Они абзывали меня глистой и худышкой каратышкой. Надеюсь ты вспомнил меня.

Теперь я хочу расказат тебе о том што случилось сиводня днем. Кагда мои папа, мама и старшая сестра Сиси сматрели тиливизор. Они очень любят сматреть разные перидачи. Папа любит перидачу "Сто бландинок". Маме нравится "Тубабуба". Сиси абажает "Малинькие хитрости для бальших девочек". А мой брат Вили Кен бес ума от "Ужастных монстров".

Боженька. В школе ругают меня и ставят плахие аценки. Я пишу с ашипками. Я надеюсь што ты меня простишь за это.

Сиводня мы сматрели перидачу "Барби криминал". Пра то как адни барби делают очень плохо другим барби. Мне не нравится эта перидача. Я сматрю вместе с ими и очень растраиваюсь. Мой друг Пуфлес Кен из перваво А тоже смотрит эту перидачу. И гаварит што это прикольно! Но я не панимаю. Чево ему нравится.

Сиводня в перидаче показывали как адин плахой барби пабил харошую тетю. У ее стало некрасивое лицо. Мне стало очень страшно што у ее такое лицо. Я заплакал. А мама с папой сказали штобы я перестал реветь. Патомушто я уже бальшой мальчик. Сиси и мой брат Вили Кен уже сматрели эту перидачу в маем возрасте. Но я никак не мог успакоится и плакал все сильнее. Тогда они начали смиятся и говорить. Как смешно. Какой смешной глупый мальчик. Плачет как маленький. Мне стало абидно. Я пачуствовал себя очень адиноким.

Боженька. Я часто чувствую себя очень адиноким! И мне не с кем поделится кроме тебя! Все говорят што я странный. Што это прайдет с возрастом. Я очень надеюсь. Патамушто это очень плохо. Када тебя никто не панимает. И ты адин. Я даже иногда думаю. А вдруг я не барби? Вдруг я кто другой? Ну пупс или кто еще?

Пупсы живут далеко в других Раенах. Про них иногда паказывают перидачи по теливизору!

Я сказал это маме. Я спросил аткуда мы биремся. Как понять што ты барби? Мама сказала што я плохой мальчишка и позвала папу. Папа сказал што у ево ко мне есть мужской разговор. Он атвел меня в комнату сестры. И стал расказывать, как мы рождаемся. Он долго гаварил мне пра цветы. У их есть пестик и тычинка. Но я ничево не понял. И еще он гаварил што есть признаки. По каторым можно все апределить.

Мы Барби Кены (папа, Вили и я) носим сиреневый с блеской костюм. На шее под беласнежным варатничком у нас всегда завязан галстук бабочка. А ис синии черные волосы пакрыты блистящим лаком.

Барби Фей это моя сестра и мама. Они носят розовые платья усыпанные пирламутровыми блесками и бусинами. У их соломенные волосы и голубые глаза. А есть еще Барби Принц. У их голубые с блесками платья и коричневые или черные волосы. Это очень красиво канешно. У нас у всех очень хорошее и прапарцианальное слаже-

Словарь:

Барби — новое человечество
Пупс — мифические враги барби
Барбишис — член общества борьбы с «не барби»
Раен — район, город
Барби молельня — храм
Кзал — вокзал
Башни-вышки — базовые станции сотовой связи
Игрокомп — игровая приставка
ИИ — искусственный интеллект
Корм — еда
Надписка — надпись
Надписочник — сочинитель надписок
Кен — мужчина
Барбипара — муж или жена
Печка-уржуйка — печка “буржуйка”
Стиан А. — Ганс Христиан Андерсен
Собор Васил — храм Василия Блаженного

Географические названия

Раен Ха — Хамовники
Раен А — Арбат
Раен Ба — Басманный район
Раен Т — Тверской район
Раен Соко — Сокольники
Ря 2 — железнодорожная станция Рязань 2
Грязи В — железнодорожная станция Грязи Воронежские
Раен Вьюжный — железнодорожная станция Воронеж Южный
Раен Море, Раен Я — город Ялта

В повести использованы цитаты из произведений:

А. Блок «Незнакомка»,

Б. Пастернак «Снег идет»,

Г. Андерсен «Гадкий утенок».

В повести приведен отрывок из статьи Эльдара Джанашвили «Гадкий Барби»

<https://proza.ru/2016/10/17/2121>

Кирилл Берендеев

Москва

ТЬМА ЗА ПЛЕЧАМИ

Дорога кончилась неожиданно. Машина, прежде гнавшая по шоссе, вдруг притормозив, резко свернула на боковую грунтовку — о чем Тимофей, запертый в багажнике, догадался уже по тому, как его стало потряхивать на каждой кочке. Скорость тотчас упала. Отец никогда не считался мастером езды по бездорожью, а в темноте подступающей ночи и подавно. Да и куда не спешил, выходные, вел не спеша, стараясь не сесть брюхом на особенно заезженном участке. Наконец, «шевроле» остановился. Отец выбрался из машины, хлопнув дверью, но не пошел к багажнику, чего всю дорогу боялся Тимофей, какое-то время он стоял, не шевелясь, видимо, разглядывая битую дорогу. Чертыхнулся, снова открыл дверь.

И тут случилось что-то странное. Отец, здоровый мужик, вдруг отскочил от машины, даже его пленник явственно почувствовал испуг в этом движении. Прохрипел что-то невнятное, потом рывкнул:

— Ты что, ты... уходи, поди прочь!

Мина покачала головой.

— Уже не имеет смысла. Надо приходиться самому, а не по указке. Какой будет смысл? — и тут же: — Знаешь, я почему-то думаю, если хотя бы один вернется, я уйду. Мне очень сильно так думается, особенно последнее время. Не знаю, почему. Нет, знаю. Но может это и есть мой выход, — она почему-то улыбнулась. — Я ведь уже тридцать лет там. Сейчас была бы теткой.

Тимофей хотел что-то сказать, рука чуть заметно сдавила его кисть, молодой человек замолчал, пристально глядя на собеседницу. Мина кивнула.

— Я прощаю тебя. Не получилось, так не получилось, буду ждать другого. Я сперва ведь хотела и этот дом уничтожить, но потом поняла — кто-то обязательно придет, а потом вернется. Нельзя, чтоб он, как ты, все для себя делал. Надо встречать как настоящая хозяйка. Может, тогда... — и прибавила: — А ты уезжай, не приходи. Ты ведь так спешил промчаться мимо своего прошлого. Мне не надо таких возвращений. Ты же знаешь меня. Ты меня очень хорошо знаешь. Ты один, кто видел меня насквозь, кто узнал меня. Ты один, кому я открылась и открываюсь сейчас, — она вздохнула и прибавила: — Просто уезжай.

После чего исчезла, будто и не было никогда.

Тимофей еще несколько мгновений смотрел на опустевшее место подле своей койки. Затем тряхнул головой, приходя в себя, оглянулся по сторонам, включил лампу, достал мобильный.

— Такси? Срочный заказ к больнице номер два, на Ореховую.

Положил телефон в карман больничной пижамы, кое-как допрыгал до шкафчика и принялся спешно переодеваться. За этим занятием его застала трель телефона. Вытащить и ответить удалось не сразу.

— Такси выехало, будет через десять минут.

Дверь тихо открылась, внутрь проникла знакомая рыжая головка. Некоторое время смотрела за сборами, потом произнесла:

— Что это на тебя нашло? Врач же сказал...

— Не время, Машунь, после объясню. Сколько сейчас, десяти нет? Отлично, значит, доктор еще на месте. Выписываемся и едем.

— Но я подумала...

— Все, уезжаем. Я вызвал такси.

Маша пожала плечами.

— Как скажешь... странно, конечно... Я тогда пойду, поищу Евгения Палыча и скажу медсестре.

— Давай, я с тобой, — кое-как с помощью Маши взгромоздившись на коляску, Тимофей открыл дверь и выехал в коридор. Нога прострелила болью, но он не обратил на это особого внимания. Крутя колеса, что есть сил, он направлялся к регистратуре, находившейся в соседнем крыле. Лампы в коридоре еле горели, прищурившись от напряжения, Тимофей различал только дверь, за которой горел яркий, почти дневной свет.

От редакции

Эту небольшую повесть мы впервые напечатали в начале 2000-х в нашем первом коллективном сборнике - полноформатном толстом альманахе "ВЕК XXI". За прошедшие с тех пор два десятилетия многое, как недавно казалось, изменилось - многое, если не считать "вечных ценностей". О них и идет речь в предлагаемой читателю работе. Вадим Спивак - сценарист, родился в 1935 году, окончил Киевский Политех, а в 1972-м ВГИК. С 1987-го - в Германии.

Вадим Спивак

ТАМ, ЗА ТЕМНОТОЙ

...Познай, где свет, - поймешь, где тьма.

А. Блок

Ставни в его комнате перестали открывать зимой.

— Чего по снегу лазить, всё одно весь день спит...

Весной тоже не открывали.

— Кому охота без особой надобности в грязь лезть?..

Летом это уже стало привычкой.

А там — снова грязь, снова снег...

Старик уже и не помнил, сколько зим прошло с тех пор, как сноха сказала это самое:

— Чего по снегу лазить, всё одно весь день спит.

Далеко внизу, во дворах, садились обедать люди, только что пришедшие с поля. Блестела река, огибая холм и унося отражение его куда-то далеко за лес. Вдоль реки, и это было странно, тревожно бежал пёс. Бока его вздымались, хлопья пены падали с высунутого языка. Он бежал в поле, где работал сын.

Там внизу, под холмом, был и он сам. Доставал воду из колодца. Был он молод и улыбался. Всё радовало его: и то, что тяжело идёт наверх ведро; и то, что рука ощущает тяжесть; и то, что вода на вкус холодна и ломит зубы; и то, что земля под босыми ногами тепла, будто поддаётся им, прогибается; и то, что так, оказывается, близок дом, в котором его ждут, в котором он кому-то нужен, в котором его ждёт она.

Он давно не слышал собственного голоса, а тут вдруг понял, что поёт. Но как бы не голосом, а всем существом своим. У песни той не было слов, но вроде бы и были, потому что смысл её ему был ясен.

И от всего этого душа его устремилась куда-то в ослепляющую бесконечность. А взгляд неожиданно уткнулся в землю, в тропу, по которой он пришёл к колодцу, в жука, что деловито переползал тропу.

Также неожиданно, но резко рванула его вниз тяжесть ведра с водой. Понял он, что эта тяжесть мнёт, ломает его, гнёт к земле. И, не в силах сопротивляться, но так и не разжав пальцев, старик упал.

Ведро стукнулось о землю, выплеснув воду и на старика, лежащего вдоль тропы, и на порыжевшую траву вокруг неё. Вода текла меж травинок, медленно впитываясь в землю. И вскоре совсем впиталась. Осталась небольшая лужица в том месте, где валялись ведро и тело. Пальцы он так и не разжал и будто навечно сцепился с ведром. Лужица под ним медленно просыхала под заходящим солнцем. Другая рука его накрыла запылённый придорожный цветок. Но не сломала, а лишь прогнула. И чуть погодя цветок, как бы увернувшись, стал постепенно распрямляться, пробрался меж пальцев и снова встал прямо. С цветка на руку переполз жучок, двинулся по вене, как по тропке, и вскоре скрылся под рубахой. Грязная рубаха, покрывавшая спину, задралась, оголив перепачканные дерьмом зад и ноги: одна была неестественно подогнута, другая отброшена в сторону.

Одновременно он ощущал, что будто вздымается, возносится. Да так высоко, что даже сердце захолонуло. Впрочем, сердца почему-то уже не было, как не было и страха высоты. Разве можно чего-то бояться, когда ты уже одновременно и часть земли, и часть выси; когда тебя вместе с травинкой раскачивает ветер; когда одновременно ты, будто с луны, видишь всю землю разом, а в то же время каждый её самый малый закуток и всё, происходящее там, до мельчайших подробностей.

Но так было лишь мгновение, миг. Даже не миг, а проблеск. И даже не проблеск, а то краткое, чему нет измерения. А затем всё разом погрузилось во тьму. И там, за темнотой, он понял, что больше никогда не будет света. Ничего больше не будет. Вот уж действительно: «Познай, где свет, — поймёшь, где тьма».

Михаил Остроухов

Тула

ПОХИЩЕНИЕ ЕЛЕНА
(Главы из повести)

Поселок весёлый

Вот вы говорите: я дура. А я считаю: надо Ленку искать. Вера говорит: «Сама придёт». А я сомневаюсь. Вера говорит: «Куда она от такого мужа денется. Мой Жорик не муж, а золото».

Жорик — сын Веры. Он так ничего себе парень. Не курит. Один недостаток: мямля. Ленка — она другая. Вера склоку начнет, а Ленка ей в ответ скажет, как отрежет: «Необразованная вы женщина», Вера глаза вылупит, а возразить нечего.

Так вот: вчера вечером Ленка домой не пришла. Может, Веру видеть опротивело. Может, Жорик вконец надоел, не знаю. Жили они тихо, до ругани не опускались.

Я всё хожу и думаю, куда Ленка делась? Полная загадка. Нехорошо это: Ленка пропала, а дела до этого никому нет. У всех «моя хата с краю, ничего не знаю». Откуда такое равнодушие, бабки? Неужели правду про «чужую беду» говорят?

Так примерно я в тот день рассуждала. Что ж, думаю, дело в долгий ящик откладывать, надо собираться и вперёд. Попила чайку с баранками, подошла к сундуку, открыла его и давай вещи доставать. Всё вынула: только на самом дне нашла. Что нашла? Повязки ДНД. От деда моего покойного достались, а откуда он взял, ведаю не ведаю. Только знаю: ДНД — это порядок. Что случится, Добровольная Народная Дружина сразу тут. Власть-то, конечно, за порядком следит, но настоящий порядок только ДНД поддерживает. Когда власть спит, ДНД не дремлет. У ДНД всюду глаза и уши. А отсюда и уважение от людей. Поэтому многие в ДНД хотят записаться. Но конкурс большой: повязки только две. Одна для меня, а вторая для Чувилки — подруги моей.

Вышла я на улицу, свежим воздухом дышу. У нас такая тишина, что слышно, как на другом конце поселка дед Михай протезом скрипит. Куда, интересно, намылился? В карты, наверно, играть с Лихоманкой-хулиганкой и Бедой-сволотой.